

А почвы? Следует ли по ним определять границы средиземноморских ландшафтов? Например, в юго-западной части крымского предгорья распространены коричневые почвы, которые характерны для средиземноморских ландшафтов. Рассмотрению географо-генетических особенностей почвенного покрова также уделялось большое внимание. Констатировалось, что при многих одинаковых характеристиках почвенного покрова, выражающихся в существовании единства генетических типов почв (которое обусловлено значительным сходством природных условий), заметны и различия. Они выражаются в большей ксероморфизации.

Бурые горно-лесные почвы на мраморовидных известняках Чатырдага иные, иначе они были бы темнее и были бы перегнойно-карбонатными (рендзинами).

К почвам обратились, когда развернулась дискуссия о причинах безлесия яйл: отсутствие леса естественно или обусловлено выпасом? Горно-луговые почвы яйл содержат ту эндемичную энтомофауну, которая характерна только для степей яйл. В буковых лесах ее нет. Значит, на яйлах издавна были открытые пространства, они всегда были малолесны.

Рассматривались и вопросы освоения горных стран, которое происходило по-разному в Альпах и в горном Крыму.

Подгородецкий П.Д.

В. С. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ КАК НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

В системе повышения научной квалификации преподавателей вузов страны каждые 4 года я дважды был командирован в Институт географии АН СССР. Научным руководителем у меня был заместитель директора института по научной работе В. С. Преображенский. В таких случаях составлялись индивидуальные планы повышения квалификации. В них обычно включали работу в библиотеках Москвы, посещение заседаний научных отделов и Совета института (по выбору) и работу над индивидуальной научной темой. У меня таковой была «Историко-ландшафтоведческий анализ» (на примере Крыма).

Поучительной была система работы В. С. Преображенского как научного руководителя. Мы с ним встречались по этому поводу не менее одного раза в неделю. Каждый раз я обязан был представлять развернутые тезисы по разделу темы как результат работы в течение недели. К 2-3 страницам текста обычно представлялась графическая модель предмета или процесса исследования. Владимир Сергеевич, будучи широко образованным в теории не только системы географических, но и многих других наук, и, обладая острой интуицией, быстро вникал в просмотренный текст и графическое приложение.

Обсуждение материалов начиналось со многих вопросов ко мне. Для меня они были поучительными в том отношении, что по ним я представлял сильные и, главное, слабые места моих тезисов. После этого Владимир Сергеевич предлагал пути дальнейшего исследования, используя, прежде всего, свой богатый опыт

поисков аналогий по разделам темы в других системах наук. По результатам обсуждения формировалось задание на следующую неделю.

Такая система работы Владимира Сергеевича была ценной в том отношении, что она побуждала меня постоянно быть, как говорят, «в боевом строю», а ему быстро и квалифицированно включаться в результаты моей работы во время обсуждения ее промежуточных итогов.

Киселев С.Н.

УРОКИ БОЛЬШОГО МАСТЕРА

С Владимиром Сергеевичем Преображенским я был едва знаком. Мы встречались только один раз, но эта встреча, которая на первый взгляд имела случайный характер, надолго врезалась в память.

В 1984 году на географическом факультете СГУ образовалось студенческое научное общество. СНО объединило студентов, аспирантов и преподавателей факультета, проявлявших интерес и склонность к теоретическим и методологическим вопросам географии. Появление СНО стало закономерным итогом всей той общественной атмосферы, которая сложилась тогда на факультете, и шире – в жизни нашего общества. Это было время перехода от эпохи «застоя» к эпохе «перестройки». Еще очень сильны были позиции научного догматизма, преклонения перед начальственным мнением, однако молодые интеллектуалы уже не боялись высказывать свою точку зрения, подвергать критике общепризнанные научные истины.

Многие из нас находились тогда под влиянием «обаяния» западной географической науки, прежде всего так называемой «гуманитарной географии», которая казалась на первый взгляд свободной от идеологических догм и более приближенной к жизни реального человека. Другое дело, что наше знание западной географии базировалось в основном на материалах реферативных журналов и немногочисленных переводах в советских периодических изданиях. Поэтому основным объектом критики на заседаниях СНО, которые проводились каждую неделю, а иногда и чаще – стало советское географическое наследие и, прежде всего, теоретические труды ведущих советских географов. Поэтому-то практически каждая наша встреча привлекала внимание представителей парткома, комитета комсомола и похожих как близнецы молодых людей молчаливо строчивших в углу аудитории свои таинственные тексты.

Менее чем за год силами участников СНО были подготовлены два сборника статей объемом более тысячи страниц, один из которых удалось даже задепонировать. Второй – «завернули» из ВИНТИ с какой-то формальной отпиской. С каждым нашим заседанием, с каждой дискуссией, с каждой статьей и исследованием росло наше самомнение и чувство собственной научной значимости (во многом оправданное, так как из участников СНО вышло три доктора наук и около десятка доцентов, кандидатов наук и преподавателей вузов). Тем не менее, появление на обычной, ничем не примечательной рядовой конференции студенческого общества САМОГО заместителя директора Института географии АН СССР было, как снег на голову.